

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ К. ПОППЕРА

Н. В. Брянник

доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

К. Р. Поппер (1902–1994) в области философии науки XX столетия фигура неординарная, а звезда первой величины. Подобная оценка определена не просто продолжительностью его жизни, растянувшейся на столетие, а тем, что он своим подходом к проблемам науки совершил переход из первой половины столетия во вторую. Поппер полемизирует с многочисленными установками в области философии и методологии науки, сложившимися в первой половине XX в. При этом чаще всего он критиковал логический позитивизм и стремился оставить позитивистскую философию науки в прошлом.

Относя философское творчество мыслителя к области философии науки, не надо понимать это таким образом, что он был узким специалистом в этой конкретной сфере философии. Поппер – масштабный мыслитель, об этом говорят названия самых крупных его произведений: «Предположения и опровержения», «Нищета историцизма», «Открытое общество и его враги», «Эволюционная эпистемология». Сам он отмечал, что его интересы простираются в такие области, как философия политики, философия истории, социальная философия, история философии, философия права и экономики и др. Но в каждой из перечисленных сфер он доводит разговор до проблематики *методов исследования*, и все названные области философского знания он, в конечном счете, рассматривает через призму философии науки. Тем самым он наполняет свою философию науки конкретикой; можно сказать, попперовская философия науки органично вплетена в его философию истории, философию политики и т. д. К. Поппер очень последовательный мыслитель: принятые им принципы он проводит во всех своих произведениях.

Если задаться вопросом о мотивах и основаниях оригинальной позиции Поппера в философии науки, то их надо искать в его *либеральных и демократических воззрениях*, в его глубокой убежденности в том, что человек – это свободное существо,веряющее каждый свой шаг пребывания в мире разумом, способный учиться на собственных ошибках и ошибках других.

Указанные основания и мотивы, его видение сути человеческого существа позволяют уже с самого начала обозначить своеобразие

попперовской концепции философии науки. В исследовательской литературе общепризнанна оценка его позиции как *критического рационализма*, он рассматривается как основоположник этого нового направления в философии науки второй половине XX в. И в этом нет какого-то открытия. Он сам постоянно настаивал на этой позиции и считал, что поскольку «конфликт между рационализмом и иррационализмом оказывается наиболее важным интеллектуальным и даже, возможно, моральным предметом дискуссий в наши дни»²⁹², то только установка на *критический* рационализм (а он различал многообразие рационалистических подходов: подлинный-неподлинный, последовательный-непоследовательный, догматический-критический, всеобъемлющий-частичный, адекватный и пр.) позволяет быть последовательным рационалистом во всех сферах человеческой деятельности, в т. ч. и в науке. Из целостной оценки своеобразия его подхода в философии науки (как критического рационалиста) можно понять, кто является его главным оппонентом и, напротив, чьи воззрения в философии науки он наследует. Произведения Поппера насыщены полемикой с многочисленными оппонентами, но сквозной линией пронизано *неприятие иррационализма* как главного противника критического рационалиста К. Поппера.

Что касается *традиции, к которой он примкнул*, то это не такой простой вопрос. Он постоянно осмысливает этот вопрос и обращается к различным представителям мощной традиции европейского рационализма. Из философов Нового времени он чаще других ссылается на Канта как носителя традиции рационализма. Но, несмотря на то, что Кант отстаивал в противовес догматизму позицию критицизма (что нашло отражение в названиях основных его произведений), а это установка, которой придерживался и сам Поппер, позиция Канта для него объект критики. Вот его аргументация: «в своей философии науки Кант не принимает ... позиции критического рационализма... Я почти уверен в том, что только признание авторитета ньютоновской космологии, которая с невероятным успехом выдержала самые строгие проверки, удержало Канта от этого. Если я прав в своем истолковании Канта, то критический рационализм..., который я защищаю, представляет собой лишь завершение собственной критической философии Канта. Это стало возможным благодаря Эйнштейну, который показал, что теория Ньютона вполне может быть ошибочной, несмотря на все ее удивительные успехи»²⁹³.

²⁹² Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2. С. 259.

²⁹³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 25.

В этой цитате обратим внимание только на один момент. Несмотря на то, что попперовский рационализм завершает кантовский (и в этом смысле связан с ним), Кант для Поппера все-таки не последовательный рационалист: быть последовательным для него означает быть до конца критичным и в самых новаторских достижениях науки видеть лишь временное и преходящее явление. Отсюда, как бы парадоксально это ни прозвучало, Поппер считает, что критический рационалист Кант остается в плену догматической установки, против которой он так боролся.

Истоки своего подхода он обнаруживает в философии досократиков. Именно они, по его мнению, творцы нового отношения к миру, людям, знаниям. В пояснение этого мы находим у него: «Новое отношение ... — это *критическое отношение. На месте догматической передачи учения [при которой основная задача состоит в сохранении аутентичной традиции] мы обнаруживаем критическое обсуждение передаваемого учения*»²⁹⁴. По поводу того, как это происходило, Поппер дает такой комментарий: «*Нам нужно объяснить появление традиции — традиции, поощряющей критические дискуссии между различными школами и, что еще более удивительно, в рамках одной школы (...)* Историческим фактом остается то, что ионийская школа была первой, в которой ученики критиковали своих учителей поколение за поколением. Это было чрезвычайно важным новшеством. Оно означало разрыв с догматической традицией, допускавшей в школе лишь *одно* учение, и утверждение традиции, поощрявшей *плюрализм* учений, пытавшихся приблизиться к истине с помощью критической дискуссии»²⁹⁵. Из античных мыслителей он ссылается на Фалеса, Гераклита, Анаксимена, Анаксимандра, Ксенофана (одна из самых значимых для К. Поппера фигур), Сократа, которого он называет подлинным рационалистом.

Критическое отношение для него одновременно является *рациональным*, позволяющим найти в любой заданной ситуации *оптимальные* и *эффективные* средства для решения поставленной цели. Поэтому возникновение традиции критического рационализма имело, по его мнению, далеко идущие последствия. Он считает, что эта традиция «создала рациональную и научную позицию, а вместе с ней и нашу западную цивилизацию, единственную цивилизацию, которая опирается на науку»²⁹⁶. Проследивая историю этой

²⁹⁴ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 325.

²⁹⁵ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 92–93.

²⁹⁶ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. С. 258.

традиции, он обнаруживает в ней большой разрыв: «критическая или рационалистская традиция была создана лишь однажды. Через два или три столетия она была утрачена, возможно, благодаря распространению аристотелевского учения об *episteme* – о несомненном и демонстративном знании... Она была вновь открыта и сознательно восстановлена в период Возрождения, в частности, Галилеем»²⁹⁷.

Итак, К. Поппер причисляет свою позицию к традиции критического рационализма, в которой он не находит места, например, для Аристотеля (с его концепцией знания как эпистемы) или Гегеля (с его законами диалектики), поскольку ему важно признание перманентной критики, для которой нет ничего устоявшегося, неизменного, несомненного; кантовский критицизм оценивается им как непоследовательный из-за концепции априорных (=необходимых, а значит, и неизменных и т. п.) форм познания. Мне кажется, Поппер не случайно в столь далеком прошлом обнаруживает близких ему по духу мыслителей – это позволяет ему подчеркнуть новизну собственной позиции на фоне современников и мыслителей недалекого прошлого.

Прежде, чем перейти к рассмотрению попперовской философии науки, остановимся на *его общей оценке науки*. Он считает, что «в рамках... рационалистической традиции наука ценится ... за ее практические достижения, но еще большую ценность с точки зрения этой традиции имеет ... ее способность освобождать наш разум от старых убеждений ... с тем, чтобы выдвинуть новые предположения и смелые гипотезы. Наука ценна своим освободительным влиянием как одна из величайших сил, делающих человека свободным»²⁹⁸. Признавая эмансипирующую и гуманистическую миссию науки и будучи последовательным, он не мог не отстаивать и такой важной особенности науки, как ее органическая связь с европейской культурой – ведь характеристические черты последней определяются, по его мнению, в первую очередь именно наукой. Вот поэтому мы встречаем у него такое рассуждение: «Некоторые традиции, имеющие большое значение, являются локальными, и их нелегко пересадить на другую почву... Я имею в виду научную традицию... Я убедился, что ее чрезвычайно трудно пересадить из тех немногих мест, где она выросла. Две тысячи лет назад эта традиция была уничтожена в Греции, и в течение очень долгого времени она не могла пустить новые корни. Аналогично, современные попытки пересадить ее из Англии в заморские страны

²⁹⁷ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. С. 258.

²⁹⁸ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 176.

оказались не слишком успешными. Поразительно ... отсутствие исследовательской традиции в некоторых отдаленных странах»²⁹⁹. Наука, как и демократия (=открытое общество), по мнению мыслителя, явления сугубо европейские, отвечающие особенностям западной культуры.

Нельзя не обратить внимания еще на одну его общую оценку науки, которая выдает в нем масштабного мыслителя. Поппер пишет: «Мне кажется, что вся наука является космологией, и мой интерес к философии, как и к науке, обусловлен только ее смелыми попытками что-то добавить к нашему знанию о мире и к теории нашего познания мира. Например, Витгенштейн мне интересен не своей лингвистической философией, а тем, что его «Трактат» был космологической работой... И философия, и наука утрачивают для меня всякую привлекательность, если отказываются от этой цели, превращаются в узкие специальные области, перестают видеть загадки нашего мира и интересоваться ими»³⁰⁰. В этих размышлениях интерес вызывает то, что, будучи искушенным и виртуозным в вопросах техники и технологии научно-исследовательской деятельности, он, по большому счету, призывает видеть в науке уникальный способ познания мира и раскрытия человеческого духа. И это, несомненно, выдает в нем Мастера.

А теперь попытаемся выстроить *концепцию науки* интересующего нас мыслителя.

1. Само словосочетание «*философия науки*» он использует довольно активно, в т. ч. применительно к собственным воззрениям; при этом он нередко оперирует понятием «эпистемология», сознательно отграничивая ее как теорию *научного знания* от теории познания, которая обращена к любому знанию, а не только научному. Это еще не весь круг понятий, с помощью которых он обозначает область философии науки, но другие его названия философии науки будут введены позднее.

Многое проясняет выбор им из многообразных признаков науки такого, который для него является самой важной характеристикой науки. Поэтому с самого начала важно понять, *под каким углом зрения он рассматривает науку*. Берет ли он все основные аспекты бытия науки или останавливается на каких-то отдельных ее сторонах? Обратимся к аргументам самого К. Поппера.

Последовательность в данном, принципиально значимом для него вопросе, заключается в том, что для него единственно возможный в философии науки аспект исследования науки – это *логический*. Сразу же следует пояснить, почему так. Логическая

²⁹⁹ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 210.

³⁰⁰ Там же. С. 90.

составляющая науки, с его точки зрения, раскрывает самый значимый момент существования науки – *поиск истины*. Поскольку поиск истины всегда ведется с помощью каких-то средств (=методов), то выявление логики науки для К. Поппера является одновременно *методологической* процедурой. Поэтому, чтобы выразить своеобразие его философии науки, мы должны уточнить ее как логику и одновременно как *методологию науки*, что, как нам представляется, для него – одно и то же. Понятие «логика» постоянно присутствует в рассуждениях мыслителя, больше того, оно присутствует в названии ряда его произведений: «Логика научного открытия», «Логика социальных наук», «Логика исследования»; не говоря уже о названиях разделов и глав многочисленных его работ, где также понятие логики используется довольно часто.

Итак, *попперовская философия науки – это логика и методология науки*. Но возникает вопрос, касающийся отличий его философии науки (понятой как логика и методология науки) от философии науки, например, неокантианцев или логических позитивистов, которые также настаивали на логике и методологии науки.

С позиций критического рационалиста, должна быть найдена точка зрения, позволяющая всякий раз *преодолевать субъективизм и относительность* научного знания и ориентироваться на *объективность* и некую *абсолютность*. Этого, по мнению Поппера, можно достигать на основаниях логики.

Возможность объективного логического анализа применительно к науке заложена в особом характере знаний, точнее, в *особой трактовке знания*, которую мы у него находим. Оригинальность его позиции заключена в том, что, в противовес большинству мыслителей, он рассматривает *научные знания* (и знания вообще) как нечто объективно существующее, вводя с этой целью идею т. н. «трех миров». Вот его рассуждения на этот счет: «Традиционная эпистемология исследует знание ... в субъективном смысле, т. е. в духе обычного употребления слов «я знаю»... По-моему, это приводит людей, занимающихся эпистемологией, к несообразностям: стремясь исследовать научное знание, они фактически исследуют нечто такое, что не имеет отношения к научному знанию ... В то время как знание в смысле «я знаю» принадлежит к тому, что я называю «вторым миром», миром *субъектов*, научное знание принадлежит к третьему миру, к миру объективных теорий, объективных проблем и объективных рассуждений»³⁰¹. Здесь надо сделать небольшое разъяснение, а именно: к первому миру он относит «мир физических объектов или физических состояний». Дополняя его пояснения по третьему миру, можно отметить, что к третьему миру он относит «мир объективного содержания мышления,

³⁰¹ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 442.

прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства»³⁰². В своем открытии третьего мира Поппер ссылается на идеи известного логика Г. Фреге об универсуме объективного содержания мышления.

Главный признак третьего мира, который важен для К. Поппера, – его объективность, позволяющая ему существовать независимо от субъекта, автономно, тем самым, становиться предметом исследования. Попперовская, нетрадиционная эпистемология – это «эпистемология без познающего субъекта», поскольку для подобной эпистемологии «решающее значение имеет исследование третьего мира объективного знания, являющегося *в значительной степени автономным*»³⁰³.

Итак, философия науки должна быть логикой науки, поскольку научное знание как предмет ее исследования – обитатель третьего мира – имеет объективный характер существования. В этом случае мы можем поставить знак равенства между логическим, объективным и научным.

Понять, почему для него философия науки является логикой науки, можно, подходя к этому вопросу и с другой стороны, а именно: выясняя, чем, по мнению Поппера, современная философия науки ни при каких условиях не должна быть.

При такой постановке вопроса мы видим, как он практически во всех своих работах *противопоставляет логику науки психологии науки*, которая (последняя) исследует проблемы происхождения знания, источника научного знания, веры и убежденности в знаниях, творческого вдохновения, – т. е. всего того, что он относит ко второму миру – миру ментальных и духовных состояний. При этом Поппер не отрицает значимости психологии науки (ее истоки он связывает с философией Юма), но, по его мнению, философией науки она не является.

Более категорично он настроен в отношении *социологии науки*. У него есть специальная работа³⁰⁴, посвященная оценке этого подхода к науке. Особенности данного подхода он раскрывает таким образом: «Социология науки утверждает, что научное мышление..., происходит не в вакууме, а в социально обусловленной атмосфере. На него оказывают большое влияние подсознательные и бессознательные элементы. Эти элементы остаются скрытыми от испытующего взора мыслителя, поскольку они формируют самое пространство, в котором тот существует, его социальную среду»³⁰⁵. В числе наиболее

³⁰² Там же. С. 440.

³⁰³ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 445.

³⁰⁴ Поппер К. Р. Социология знания // Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2.

³⁰⁵ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992.

видных представителей социологии науки он называет М. Шелера, К. Манхейма и др. Когда мы сталкиваемся с его оценкой философии науки, понятой как социология науки, то его суждения звучат весьма жестко. Он считает, что «социология знания не только разрушает сама себя... Она также демонстрирует поразительную неспособность отчетливо понять собственный предмет – социальные аспекты знания... Социология науки исследует науку о познании как процесс, происходящий в мозгу или в сознании отдельного ученого, может быть, как продукт этого процесса... Если рассматривать науку таким образом, тогда то, что мы называем научной объективностью, оказывается чем-то совершенно непонятным или даже невозможным. ... То, что мы обычно имеем в виду под объективностью в науке, покоится на совершенно другом основании»³⁰⁶. Этим другим основанием для него, в свете сказанного, безусловно, является логика науки.

Круг вопросов попперовской философии науки (понятой как логика и методология науки) достаточно многообразен, и воспроизвести его весь вряд ли удастся; мы имеем возможность наметить лишь принципиально значимые вопросы, обозначив по ним позицию Поппера и его оппонентов.

2. Начнем с того, с чего, по мнению К. Поппера начинается и сама наука, – с проблем. Он активно не принимает доминирующую в философии науки позицию, согласно которой научное исследование представляет собой способ объяснения опытно-экспериментальных данных, поэтому оно начинается с фактов и фактуальных высказываний. Подтвердим сказанное фрагментом из его рассуждений. «Одним из вопросов, которые могут задать, – пишет он, – является следующий: как мы в действительности совершаем скачок от высказываний наблюдения к теории? ... Этот вопрос кажется скорее психологическим, чем философским, по его поводу можно сказать нечто позитивное, не обращаясь к психологии. ... В этом случае речь должна идти не о скачке от высказываний наблюдения, а о скачке от проблемной ситуации»³⁰⁷. В этом вопросе он противопоставляет свою позицию позитивизму, который, с попперовской точки зрения, как раз и видит истоки науки в данных наблюдений и экспериментов. Поскольку для мыслителя поставленный вопрос имеет принципиальное значение, то он неоднократно заявляет: *«наука начинается только с проблем»*³⁰⁸.

И это не просто какая-то ситуативно сказанная фраза, а именно позиция. Она проводится через сравнение им места и роли

Т. 2. С. 246.

³⁰⁶ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2. С. 251.

³⁰⁷ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 46.

³⁰⁸ Там же. С. 132.

в науке проблем и теорий. Ведь, казалось бы, именно теория представляет собой некий концентрат науки, но для Поппера это не так. Он пишет: «Все еще можно полагать, что наука прогрессирует от теории к теории и что она представляет собой последовательность улучшающихся дедуктивных систем. Я же хочу предложить рассматривать науку как *прогрессирующую от одной проблемы к другой* – от менее глубокой к более глубокой проблеме. Научная (объяснительная) теория является не чем иным, как попыткой решить некоторую научную проблему...»³⁰⁹. Привязка науки к проблемам для него столь важна, что именно с ними, а не с предметами исследования он связывает и выделение научных дисциплин – «*мы исследуем не предметы, а проблемы*»³¹⁰.

Проблему он трактует, казалось бы, на уровне здравого смысла, как некое *затруднение*. Но если поискать ответ на вопрос о том, почему такую роль он отводит проблеме, то мы обнаружим аргумент, тесно связанный с его концепцией философии науки. Аргумент его заключается в том, что научная проблема только разновидность более широкого понимания проблемы. Он считает, что «*все организмы постоянно, днем и ночью, занимаются решением проблем*»³¹¹. Научные проблемы – это то, что решает такой живой организм, как человек. Попперу здесь важно подчеркнуть *объективность* проблем. Наука начинается не с субъективно данных экспериментально-опытных фактов, а с объективно существующих проблем-затруднений. Обратим внимание на то, что проблемами и проблемными ситуациями наполнен его третий объективный мир. Он настаивает на этом: «проблемы ... являются проблемами в объективном смысле слова»³¹². И если наука развивается от одной проблемы к другой, то, в соответствии с предложенным толкованием проблем, мы можем сказать, что она развивается объективно, а не просто как духовное и мыслительное самосовершенствование ученых-исследователей.

Из принципов попперовской философии науки вытекает и предлагаемый им способ решения проблем: «Проблемы всегда решаются методом проб и ошибок: предположительно выдвигаются новые реакции, новые формы, новые органы, новые способы поведения, новые гипотезы, а затем осуществляется контроль посредством устранения ошибок»³¹³. Метод проб и ошибок, гипотетичность – вот понятия, с помощью которых выражается

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же. С. 57.

³¹¹ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 233.

³¹² Там же. С. 233.

³¹³ Там же.

его позиция критического рационалиста. Для критического рационалиста в науке даже при решении проблем нет места несомненному, законченному, раз навсегда признанному – только предположения (=пробы) и опровержения (=ошибки). Отсюда и название одной из главных его работ – «Предположения и опровержения». Отличие научных проблем от проблем остальных живых организмов только в том, как считает Поппер, что они осознаются.

3. Средством, преодолевающим затруднения в науке, являются *теории*. В таком признании также нет ничего особенного. У Поппера, как и большинства представителей философии науки, теория надстраивается над проблемами: «каждая ... теория – независимо от того, является она научной или философской, ... *пытается решать определенные проблемы*. Теория понятна и разумна лишь в отношении к конкретной проблемной ситуации, и ее можно обсуждать, только обсуждая это отношение»³¹⁴. Своеобразие его позиции заключается в *трактовке теории*. Вот одна из характерных его оценок данного феномена: «Теории – это наши собственные изобретения, наши собственные идеи. Они не навязываются нам извне, а представляют собой созданные нами инструменты нашего мышления»³¹⁵. В силу этого теории являются лишь догадками и предположениями, они гипотетичны, а потому ближе к тому, что древние мыслители называли «докса» (=мнение), чем к «эпистеме» (=знанию). Больше того, он сближает научные теории с тем, что, казалось бы, было полностью преодолено наукой – с мифами. Мы находим у него такое сравнение: «ученые (начиная с Фалеса, Демокрита, Платона и Аристарха) отваживаются создавать мифы, предположения или теории, резко расходящиеся с повседневным миром обыденного опыта»³¹⁶. Представленная трактовка научных теорий показывает, что и здесь он отстаивает позицию критического рационализма. Сам он об этом пишет так: «С развиваемой нами точки зрения, все законы и теории остаются принципиально временными, предположительными или гипотетическими даже в том случае, когда мы чувствуем себя неспособными сомневаться в них»³¹⁷. Отмеченные признаки теории находят воплощение в следующей формулировке: «научные теории представляют собой подлинные предположения – высокоинформативные догадки относительно мира»³¹⁸, которую можно было бы рассматривать как ее определение, если бы Поппер не был против всяческих определений.

³¹⁴ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 124.

³¹⁵ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 197.

³¹⁶ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Прогресс, 1983. С. 61.

³¹⁷ Там же. С. 43.

³¹⁸ Там же. С. 194.

Необходимо прояснить, в каком смысле теории являются все-таки догадками и предположениями *относительно мира*, притом, что они являются человеческим изобретением. Это выводит нас на рассмотрение традиционно поднимаемых в отношении теории вопросов: присуща ли теориям функция объяснения мира и что под ней понимать? Нельзя не отметить, что для Поппера это крайне важный вопрос, он исследует и его историю, и основные методологические позиции в его решении.

Он анализирует, как с момента появления первых собственно научных теорий, таких, как коперниканская система мира, появляются две методологические установки, прямо противоположным образом решающие вопрос о предназначении теорий и в той или иной форме воспроизводящиеся вплоть до настоящего времени. Так, например, он обнаруживает принципиальное сходство оценок того, что собой представляет ньютоновская теория, у Беркли и Маха, хотя временной разрыв между ними больше столетия: «Все они утверждают, что объяснение не является целью физической науки, так как физическая наука не может открыть «скрытой сущности вещей»³¹⁹. Если физические теории не объясняют сущность вещей и мира, то чем же они являются, что в них представлено? Важность вопроса усиливается тем, что сторонники подобного подхода, по мнению Поппера, в настоящее время преобладают в физической науке. Последователи данной позиции утверждают, что «научная теория не объясняет и не описывает мира; она не более чем инструмент»³²⁰. Отсюда вытекает и название этой методологической установки – *инструментализм*. В качестве первичного разъяснения можно принять следующее: «Инструментализм утверждает, что теории являются *не более чем* инструментами»³²¹. Подобное метафорическое обоснование позиции, конечно, нуждается в дальнейшей расшифровке. В этой связи мы находим у Поппера следующий комментарий: «Инструментализм можно выразить в форме тезиса, утверждающего, что научные теории – теории так называемой «чистой науки» – являются не чем иным, как правилами вычисления (или правилами вывода), которые в принципе носят такой же характер, как и правила вычисления так называемых «прикладных наук»³²². Инструменталистская позиция предъявляет к теории минимум требований: с помощью своего понятийно-терминологического и математического аппарата (со времен Галилея наука носит математизированный характер) она должна

³¹⁹ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 178.

³²⁰ Там же. С. 176.

³²¹ Там же. С. 60.

³²² Там же. С. 68.

описывать данные наблюдений и экспериментов и быть способной предсказывать новые явления. Поэтому, как считает Поппер, инструментализм тесно связан с операционализмом, который, по сути, нивелирует теоретический статус научных понятий, поскольку относит к ним только такие, которые могут быть сведены к терминам измерительных операций (связанных с измерениями длины, времени, массы, температуры, силы тока и пр.).

Инструментализм и операционализм, которые он нередко сближает с позитивизмом, Поппер критикует, противопоставляя им, как он его называет, «теоретизм». Он считает, что «к теоретизму приводит осознание того факта, что мы всегда оперируем со сложным каркасом теорий и стремимся не просто к их корреляции, а к построению объяснений»³²³. Мы вынуждены, по его мнению, выйти к теоретизму, поскольку в науке не существует чисто инструментальных, теоретически не нагруженных терминов и понятий – каждый из них «вырастает» из определенной теории и нагружен смыслами включающей его теории. Прежде чем прокомментировать, в каком смысле теории выполняют функцию объяснения, что заставляет раскрыть позицию самого Поппера, мы должны разобраться с подходом, прямо противоположным инструментализму – он называет его *эссенциализмом* и утверждает, что данный термин в философию науки ввел именно он.

Эссенциализм в новоевропейской философии и науке, как считает Поппер, был господствующей позицией до конца XIX в., и в своих истоках он связан с интерпретацией Галилеем коперниканской системы как истинного описания мира, а не как удобного инструмента для вычислений. При обсуждении данного вопроса он нередко ссылается и на античных мыслителей, которые в своих философских построениях стремились объяснить, как за миром чувственно данного скрывается подлинное бытие. С позиций эссенциализма (в трактовке Поппера), *«лучшие и истинные научные теории описывают «сущности» или «сущностную природу» вещей – те реальности, которые лежат за явлениями»*. Такие теории не нуждаются в дальнейшем объяснении и не допускают его: они являются *окончательными объяснениями*, и нахождение их есть конечная цель ученого»³²⁴. Именно убежденность эссенциалистов в том, что можно достичь окончательного, раз и навсегда данного объяснения, как раз и не устраивает Поппера. В его критике данной методологической установки присутствует и его собственная позиция, и она такова: «Эссенциализм считает наш обычный мир лишь видимостью, за которой он открывает реальный мир. Такое

³²³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 51.

³²⁴ Там же. С. 68.

понимание должно быть отвергнуто сразу же, как только мы осознаем тот факт, что мир каждой из наших теорий, в свою очередь, может быть объяснен с помощью других дальнейших миров, описываемых последующими теориями – теориями более высокого уровня абстракции, универсальности и проверяемости»³²⁵. По меньшей мере, из его рассуждений понятно, что сам Поппер не отрицает за теориями объяснительной функции, но вместе с тем считает, что каждая из теорий представляет свой мир, и эти миры определенным образом связаны между собой. Поэтому, несмотря на то, что он постоянно дистанцируется и от инструментализма, и от эссенциализма, отвергая и то, и другое, подчеркивая, что сам он придерживается некой третьей точки зрения, все-таки названием своей позиции – «*модифицированный эссенциализм*» – он указывает на близость к одной из критикуемых им установок.

Попперовская точка зрения, как нам представляется, целиком и полностью определяется его общей методологической установкой – критическим рационализмом. И теории для него – это догадки, они носят предположительный характер, а значит, дают лишь *предположительное объяснение*, из чего следует предположительное, а не окончательное открытие сущности. В таком случае все в его позиции проводится достаточно последовательно и выглядит вполне убедительно.

Открытые теориями реальные миры, как и сами теории, коррелируют друг с другом, а связь их между собой представляет некую иерархию, в которой более поздние теории *по принципу соответствия* связаны с более ранними (теория относительности Эйнштейна – с ньютоновской теорией, а та, в свою очередь, – с теориями Галилея и Кеплера). Он вводит понятие «*глубины проникновения в реальность*» и считает, что более поздние теории как раз и отличаются более глубоким проникновением. Но ни на одной, даже самой современной теории, нельзя поставить точку – она также гипотетична и предположительна, и ей на смену придет другая.

Инструменталистский характер он приписывает только математическому аппарату теории; обратим внимание на то, что даже в отношении математических построений теорий он сохраняет признак гипотетичности и предположительности. Он считает, что «математическую гипотезу можно описать как способ вычисления определенных результатов. Она представляет собой лишь формализм, математическое средство или инструмент типа вычислительной машины. Ее оценивают только по ее эффективности. Она не только приемлема, она может быть полезной и даже превосходной, но это не наука: даже если она выдает правильные

³²⁵ Там же. С. 194.

результаты, это лишь трюк, «фокус»³²⁶. Выходит, что теоретический характер науке придает не абстрактный и сложный математический аппарат, без которого в науке современного типа невозможно получать результаты, а присутствующее в ней объяснение, способность выходить к реальности.

Рассматривая статус теории, нельзя обойти вниманием и закон – ведь ради установления законов, в конечном счете, и ведутся теоретические разыскания, поскольку только на основе законов может быть реализована предсказательная функция теорий и науки в целом. Какую трактовку закона дает К. Поппер?

В понимании закона для него отправной точкой является позиция Канта. Свое отношение к кантовской трактовке закона он выражает так: «Когда Кант говорит, что наш разум не выводит свои законы из природы, а налагает их на природу, он прав. Но, полагая, что эти законы необходимо истинны или что мы всегда добиваемся успеха, налагая их на природу, он ошибался»³²⁷. В первой половине фразы он соглашается с Кантом, поскольку тот существо закона связывает с активностью человеческого разума – это позиция рационалиста, которая переворачивает устоявшееся мнение, что законы существуют в самой природе, а мы только к ним приближаемся. Вторая половина фразы обнаруживает в нем последовательного критика – он не соглашается с тем, что законы, открываемые наукой, носят необходимый, т. е. раз навсегда данный характер. Без всяких двусмысленностей он заявляет, что «все законы ... остаются принципиально временными, предположительными или гипотетическими даже в том случае, когда мы чувствуем себя неспособными сомневаться в них»³²⁸. Как видим, для него знаниевый статус законов и теорий идентичен.

В таком случае, что все-таки представляет собой закон? В каких бы формулировках он ни выражал свое видение закона, в них есть общий момент, связанный с пониманием того, что «Законы Природы на самом деле представляют собой регулярности, подобия или сходства»³²⁹. Мы находим у него уточнение: законы – это наблюдаемые регулярности, ведь если мы обнаруживаем несоблюдение регулярностей, сходств, подобий, единообразия, а, напротив, наблюдаем изменение зависимостей и связей, то мы должны признать, что имеем дело не с законом.

Процедура теоретического объяснения по сути дела и сводится к тому, что исследователь пытается подвести конкретные

³²⁶ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 14.

³²⁷ Там же. С. 41.

³²⁸ Там же. С. 43.

³²⁹ Там же. С. 283.

изучаемые им явления под таким образом понятые законы. Поппер настаивает на том, что это не какое-нибудь каузальное (=метафизическое) объяснение, претендующее на проникновение в природу или сущность изучаемого, а т. н. «*дескриптивное объяснение*», поскольку изучаемый феномен подводится под законы, *описывающие наблюдаемые* регулярности, сходства, подобию, единообразия. Здесь необходимо пояснить, что такое «дескриптивное объяснение». По мнению К. Поппера, в процессе объяснения исследователь не должен задаваться вопросами: «Что есть то или это? Какова природа (или сущность) рассматриваемого нас явления?» Его должно интересовать лишь поведение изучаемых объектов с заданными параметрами при определенных обстоятельствах и не более.

Рассмотрение попперовской трактовки теории и закона будет неполным, если ограничиться изложенным. Ведь объяснение само по себе не является целью науки, оно дополняется применением полученных результатов на практике. Поэтому объяснение как теоретическая задача науки, считает К. Поппер, органически связано с практической — *предсказанием и техническим применением*. Для него и объяснение, и предсказание являются собой два разных аспекта одной и той же деятельности. В таком случае, какова практическая ценность объяснения, другими словами, как он раскрывает, что собой представляет предсказание?

Предсказательная функция теории основывается на том, что в ее законах представлены регулярности, сходства, повторяемости, что позволяет теории выходить за пределы тех эмпирических ситуаций, которые спровоцировали само исследование. По данному поводу Поппер замечает: «предсказание основывается только на регулярном следовании»³³⁰. Для него важно также, что это наблюдаемая регулярность, связанная с дескриптивным, а не каузально-эссенциалистским объяснением. Несмотря на описательный характер объяснений, даваемых теорией, а также наблюдаемые регулярности, представленные в ее законах, тем не менее, в теории присутствует важный и атрибутивный для нее момент обобщения, позволяющий делать предсказания. Относительно ньютоновской динамики в этой связи он рассуждает так: «наблюдение всегда осуществляется при весьма конкретных условиях, а каждая наблюдаемая ситуация представляет собой в высшей степени специфическую ситуацию. Теория же, со своей стороны, применима во всех возможных обстоятельствах — не только к планетам, скажем, к Марсу или Юпитеру, или к спутникам планет Солнечной системы, но ко всякому планетарному движению и ко всякой солнечной системе. В действительности, она идет гораздо дальше

³³⁰ Там же. С. 288.

всего этого»³³¹. В этом сила и мощь теоретических построений: производимые ею обобщения позволяют выйти за пределы исследованного и экстраполировать законы на неизведанное; законы вооружают нас знаниями о том, как действовать и что ожидать.

Процедуру предсказания в сравнении с процедурой объяснения он описывает так: «В то время как при поиске объяснений нам дано ... объясняемое и требуется найти подходящее *объясняющее*, при выводе предсказаний мы движемся в обратном направлении. В этом случае дана ... теория, а также специфические начальные условия (известные или предполагаемые известными из наблюдений). Найти же требуется логические заключения, которые пока что нам не известны из наблюдений. Это – *предсказания*. В данном случае место объясняемого ... в нашей логической схеме занимает предсказание»³³². Отметим для себя, что его интересует именно *логическое своеобразие предсказания* – оно трактуется им как разновидность логического заключения. Предсказание также лишь провоцируется эмпирическими данными, а по сути своей является действием сугубо рациональным.

Только выведение предсказаний по принципу логического заключения дает возможность оценивать теорию с *позиций истинности или успешности*. (Хотя эти две оценки не являются взаимозаменяемыми: ведь даже ложные теории могут (хотя бы частично, а чаще всего своей математической составляющей) с успехом использоваться на практике). Поппер утверждает, что «у нас нет оснований считать новую теорию лучше старой, т. е. верить в то, что она ближе к истине, до тех пор, пока мы не вывели из этой теории *новых предсказаний*, которые не были получены из старой теории..., и пока мы не обнаружили успешность таких предсказаний. Только такой успех показывает, что новая теория имеет истинные следствия»³³³. Выходит, что предсказание не только позволяет использовать на практике теоретические знания, но и дает возможность оценивать эти знания, устраивать им проверку. Тогда становится понятно, почему он рассматривает объяснение и предсказание не как самостоятельные функции теории, а как две стороны одной и той же деятельности: ведь науку интересует не само по себе объяснение, а только такое, которое претендует на истинность и в этом смысле позволяет предсказывать не втянутые ранее в объяснение события.

4. Зафиксировав внимание на главных задачах науки – давать такие объяснения изучаемым явлениям, чтобы ими можно было

³³¹ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 115.

³³² Там же. С. 321.

³³³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 152.

воспользоваться на практике, мы подходим к вопросу о допустимых в методологии оценках теории. К. Поппер так поясняет, *что* надо рассматривать в качестве подобных оценок: «Наша точка зрения, состоящая в том, что задача науки – выдвигать объяснения или ... создавать теоретические основы для предсказаний и других приложений теорий, эта наша точка зрения привела нас к методологическому требованию, чтобы наши теории были проверяемыми»³³⁴. В этой связи мы обращаемся, пожалуй, к самому значимому для попперовской логики науки вопросу, по которому он выдвигает яркую и оригинальную позицию, – вопросу *о проверке теорий*. В чем существо его позиции?

Он считает, что решительно порывает с устоявшимся в философии науки мнением, касающимся проверки научных теорий. В этом вопросе подавляющему большинству методологов близка позиция здравого смысла, а именно: они убеждены в том, что единственный способ удостовериться в истинности (а значит, и успешности) теоретических положений заключается в поиске подтверждающих их эмпирических, опытно-экспериментальных данных. Для них *проверяемость тождественна подтверждаемости, верифицируемости*. Представленная характеристика данной позиции не случайна: К. Поппер ссылается на видных представителей логического позитивизма Р. Карнапа, Л. Витгенштейна и др., которые по сути дела сознательно отстаивали названный принцип. С именем Р. Карнапа связывают введение в логику науки *принципа верификации* со всеми вытекающими из него последствиями, как то: проведение демаркации между наукой и метафизикой, оценка предположений метафизики как бессмысленных псевдопредположений, отрицание научного статуса за гуманитарными исследованиями и пр. Если попытаться понять, почему Поппер не соглашается с верификационистами (=джастификационистами), то мы опять выйдем на основополагающий для него принцип критического рационализма. Для него все, что связано с теоретическими построениями, не вытекает из данных наблюдения и эксперимента, а является смелыми предположениями, поэтому и при проверке теорий их нельзя опрокинуть на опыт. Он утверждает, что «наблюдать можно только *конкретные вещи*, в то время как теория, в частности, ньютоновские силы, *абстрактны*»³³⁵. Вот этот зазор между конкретностью опытных данных и абстрактностью, универсальностью теоретических построений, с его точки зрения, и не позволяет производить прямое опытное удостоверение этих построений.

Следует ли из этого, что с позиций Поппера проверка теорий должна обходиться без эмпирических подтверждений? Такой вывод для него неприемлем, поскольку, как он считает, «теории

³³⁴ Там же. С. 332.

³³⁵ Так же. С. 115.

могут столкнуться с наблюдениями, могут противоречить наблюдениям. Поэтому из наблюдений можно вывести *ложность* теории. Возможность опровергнуть теорию с помощью наблюдений представляет собой основу всякой эмпирической проверки. ... Проверка теории всегда стремится показать ее ошибочность, т. е. показать, что из теории следует какое-то ложное утверждение. Следовательно, с логической точки зрения все эмпирические проверки являются *попытками опровержения*»³³⁶. Как видим, он в полный голос рассуждает об *эмпирической* проверке теории, но ее роль он оценивает сточностью до наоборот – эмпирическая проверка не подтверждает, а, напротив, опровергает; с ее помощью устанавливается не истинность, а ложность теоретических построений. Отсюда, в противовес принципу верификации, Поппер выдвигает *принцип фальсификации*; в логике и методологии науки он его первооткрыватель. В своих многочисленных работах он последовательно проводит мысль о том, что «неопровержимость представляет собой не достоинство теории (как часто думают), а ее порок»³³⁷, поэтому «каждая настоящая *проверка* теории является попыткой ее фальсифицировать, то есть опровергнуть. Проверяемость есть фальсифицируемость»³³⁸. Важно иметь в виду, что фальсифицируемость как проверяемость требует особых, как их называет Поппер, *решающих случаев* для проверок – для него это и есть *решающие эксперименты*. В контексте принципа фальсификации «решающий эксперимент – это попытка опровергнуть теорию, и если такая попытка не приводит к успеху, а напротив, теория с ее неожиданным предсказанием оказывается права, то мы вправе сказать, что теория подкрепляется этим экспериментом»³³⁹.

Для Поппера *фальсифицируемость* является одновременно и критерием научности, поэтому принцип фальсификации для него совпадает с принципом демаркации. Чтобы разобраться в этом хитросплетении понятий, надо иметь в виду, что важнейшая для философии науки проблема отделения (=демаркации) научных теорий от ненаучных (метафизических, лженаучных, квазинаучных и т. п.) решалась оппонентами Поппера с помощью принципа верификации таким образом: любые научные построения можно, в конечном счете, свести к эмпирическим, фактуальным данным. Если это невозможно сделать, то мы имеем дело с ненаучным построением. Для Поппера подтверждаемость теорий еще не показатель их научности. Любая научная теория имеет

³³⁶ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 322-323.

³³⁷ Там же. С. 31

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же. С. 68.

границы своей применимости, безгранично действующих научных теорий нет и не может быть, поэтому он убежден в том, что «каждая «хорошая» научная теория является некоторым запрещением: она запрещает. Чем больше теория запрещает, тем она лучше»³⁴⁰. Но вместе с тем, то, что теория не запрещает, она разрешает; и в этом смысле научная теория связана с реальностью. Вот поэтому для Поппера именно «фальсификации указывают пункты, в которых мы соприкасаемся с реальностью»³⁴¹.

Для него это очень важный момент, поскольку он обращает нас к вопросу о *научном методе*. Для джастификационистов принцип верификации не только критерий демаркации, но и средство обоснования научного метода. Эмпирическая наука (а это для них и есть подлинная наука) базируется на *индуктивном методе*, выводящем законы и теории через обобщение единичных наблюдений и фактов, отсюда вытекает и возможность эмпирической проверки. По оценке К. Поппера отождествление научного метода с индуктивным означает протаскивание в философию науки психологизма. Поппер оценивает индукцию как миф, поскольку не существует случайных, теоретически не нагруженных и не интерпретированных эмпирических данностей. Он настаивает на том, что *методом науки является критическая проверка или фальсификация*; подобные аргументы подтверждают его приверженность логике науки, противоположной психологизму. Можно сказать, что и в трактовке научного метода он стремится реализовать позицию критического рационалиста. В данном случае *критический рационализм предстает как фальсификационизм*.

В разворачивании философии науки Поппера мы подходим к ответственному моменту – трактовке истины. Представляется, что главное, на чем настаивает мыслитель, связано с признанием объективности истины, идея объективной истины позволяет ему и в этом важном вопросе удерживаться в рамках логики науки. Свое понимание истины он в первую очередь противопоставляет субъективистским теориям – прагматистской теории, а также теориям когеренции и очевидности. Он отвергает их на том основании, что «все они исходят из *принципиально субъективистской точки зрения, которая истолковывает знание только как особое рода ментальное, духовное состояние, как некоторую диспозицию или как особый вид веры...*»³⁴². Нельзя не отметить последовательность Поппера – именно *объективистская трактовка знания* тянет за собой объективистскую трактовку истины. Фиксация объективистской позиции Поппера заставляет определить

³⁴⁰ Там же. С. 31.

³⁴¹ Там же. С. 72.

³⁴² Там же. С. 372.

своеобразие его подхода – ведь сторонниками объективной истины являются представители разных концепций. Истоки того понимания истины, которое ему близко – истины как соответствия фактам, – он связывает с именем Ксенофана, который жил еще до Аристотеля, а ведь именно Аристотелю, как правило, и приписывают концепцию истины как соответствия. Но непосредственное влияние на попперовскую трактовку истины оказал А. Тарский с его, т. н. «семантической концепцией истины». *Объективность истины сводится им к объективности языка*, поскольку то, истинность чего устанавливается, и факты, соответствие которым отыскивается, в семантической теории истины предстают как два уровня языка – метаязык и язык-объект. По существу соотносятся два языковых феномена, а язык не может быть не объективен.

Достижение *объективной* истины, возможно, потому что знание, предстающее как третий мир, объективно. Вот поэтому он противник того, чтобы истину сопоставляли с субъективными состояниями уверенности (в чем-то) или доверия (к чему-то), чувства надежности, вероятности или достоверности. Он утверждает: «некоторая теория может быть истинной, даже если никто не верит в нее и даже если нет причин для ее признания или для веры в то, что она истинна; другая же теория может быть ложной, хотя у нас имеются сравнительно хорошие основания для ее признания»³⁴³.

Всякий сторонник объективной истины в той или иной форме признает и абсолютность истины; не является исключением и К. Поппер. Абсолютную истину он трактует как некий *регулятивный принцип*, который стимулирует научный поиск и поддерживает исследовательский интерес, но ситуация достижения абсолютной истины для критического рационалиста немыслима.

КРИТЕРИИ ТВОРЧЕСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

О. Н. Томюк

*старший преподаватель кафедры онтологии и теории
познания Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Понимание творчества и его критериев имеет исторический характер и зависит от господствующего стиля философского мышления. Исследование феномена «творчество» в классической

³⁴³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. М.: Изд-во «АСТ»; «Ермак», 2004. С. 372.